

Диана Рейдо

Небесная ПТАХА

Диана Рейдо
Небесная птаха

«Автор»

2011

Рейдо Д.

Небесная птаха / Д. Рейдо — «Автор», 2011

Одиночество Мирабель, которая живёт на ферме настоящей отшельницей, нарушает странствующий авиатор Дик. Попав в дом девушки под безобидным предлогом, он надолго задерживается. От фермы давно осталось одно название, а муж Мирабель умер пару лет назад. Дик пытается помочь ей, вытаскивая из затяжной депрессии. Но каковы истинные причины его внимания к Мирабель? Свет на это проливает завещание, найденное Мирабель в вещах Дика: в завещании её ждёт неприятный сюрприз...

© Рейдо Д., 2011

© Автор, 2011

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	17
5	21
6	24
7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Диана Рейдо

Небесная птаха

1

Вздрыгнув от неожиданности, Мирабель подняла голову и осмотрелась. Ей послышался какой-то шум в небе, нарушивший ее безмятежный покой.

Нет, ничего... Небо было чистым. Практически ни единого облачка не виднелось на залитом блестящей синевой небосводе.

Мирабель слегка улыбнулась, наблюдая за небом. В последнее время это была одна из немногих радостей, которые остались у нее в жизни. Вид чистого и ясного, словно умытого неба очищал что-то и в душе у Мирабель. Впрочем, этого было недостаточно, чтобы по-настоящему вернуть ей радость...

Мирабель подтянула колени к груди, попыталась отряхнуть штанину, но махнула рукой ввиду бесполезности этого занятия. Земля хоть и высохла из-за жаркого лета так же, как пересохла в горле у Мирабель, однако пыль прочно въедалась в ткань. «Сразу в стирку», – лениво подумала Мирабель, перебирая пальцами травинки, торчащие из почвы.

Время близилось к обеду. Но Мирабель не спешила. Она давно уже никуда не торопилась. Спешить ей было некуда и не к кому...

– Время остановилось, – подумала вслух Мирабель.

Да, наверное, так оно и было...

А раз так – то куда торопиться?

Вдали от шумных магистралей и торговых центров мегаполисов и впрямь кажется, что жизнь замерла. Но для Мирабель это вряд ли было иллюзией.

Облаченная в клетчатую рубашку (внимательный наблюдатель отметил бы, что та широка девушке в плечах) и вытертые джинсы, Мирабель восседала на небольшом пригорке. Пригорок отделял фермерские угодья от поля, которое никому не принадлежало, давно не возделывалось и заросло сорняками, дикими цветами и вольной травой.

Мирабель обгорала легко и быстро. Послеполуденной дозы солнца уже было для нее более чем достаточно. Но распространяющий свет диск так пригревал, а лучи так мягко и нежно обволакивали, что Мирабель хотелось длить и длить эти мгновения.

Наконец она поднялась, сделала еще одну, впрочем, довольно безуспешную попытку отряхнуть штаны, надвинула козырек бейсболки на самый нос и зашагала к дому.

До дома было несколько минут ходьбы. Вскоре он показался на горизонте, приземистый, стоящий почти на отшибе от прочих домов. Мирабель этот дом всегда напоминал о прочитанной в далеком детстве книжке «Принц и нищий»... Он был выкрашен в белый цвет, но пыльные бурунчики тут и там оставляли на нём едва заметные, непримечательные следы. В целом же эти следы выглядели, как заплатки на смокинге от известного кутюрье.

Мирабель усмехнулась и зашагала к дому. Отворив калитку (она была немного перекошена, ровно настолько, чтобы еще не время было звать на помощь соседа для её починки), издав жалобный звук (немного поскрипев вместо неё), Мирабель взбежала по ступенькам и вошла в дом.

Пройдя на кухню, она сходу налила себе из стеклянного кувшина стакан домашнего лимонада и жадно выпила его залпом. Снова усмехнулась: если бы кто-то рассказал ей, что она будет заниматься изготовлением домашнего лимонада, вместо того, чтобы приобретать его в супермаркете...

– Однако режим дня – не самое плохое изобретение человечества... – вслух подумала Мирабель. А с кем еще ей было делиться своими мыслями?

Она принялась готовить нехитрый обед.

К счастью, солнечные ванны и символическая прогулка (разве можно долгое сидение на краю нескошенного поля называть моционом?!) немного подогрели её аппетит. Мирабель молча порадовалась этому факту. Собственно говоря, с каждым днем ей всё меньше хотелось готовить. Готовить с энтузиазмом и вдохновением для самой себя Мирабель никогда не умела.

Ей нужна была компания. Но она упорно и отчаянно отказывалась замечать и признавать этот факт, маячащий у нее перед самым носом, словно вредная оса, заметившая каплю вишневого варенья на щеке...

Быстро и ловко орудуя картофелечисткой, Мирабель очистила несколько крупных картошин, сложила в кастрюльку, поставила её на плиту, залила кипятком из электрического чайника. Разобравшись с гарниром, она пальцами разделала куриное филе, отделяя мясо от костей, выкладывая ломтики на сковородку с брызгающимся раскаленным маслом.

– Ой!

Крохотная капелька масла обожгла нежное запястье девушки. Мирабель машинально облизнула кожу. Но красное пятнышко всё равно не замедлило проявиться на коже.

Надо было промыть холодной водой... Но тут Мирабель услышала кое-что, что заставило её позабыть и об ожоге, и о холодной воде, и о курице, немилосердно поджаривающейся на нагретой плите.

Ей показалось, или во дворе хлопнула калитка?

Да кто же это может быть?

В том-то всё и дело, что быть было некому...

Но шаги уверенно прохрустели по гравиевой дорожке, ведущей от калитки к крыльцу. Потом скрипнуло и крыльцо. Потом раздался стук в дверь...

Бац, бац, бац...

Это не был деликатный стук почтальона. Впрочем, писем Мирабель ни от кого и не ждала. В своё время она не получила даже писем или открыток с соболезнованиями, приличествующими данному случаю.

Так кто же это может быть?

Мирабель секунду помедлила, хотя был единственно верный способ узнать ответ – открыть входную дверь.

– Кто там? – поинтересовалась она громко.

– Откройте, пожалуйста...

«Удивительная наглость», – подумала про себя Мирабель. Кто и зачем – ей не говорят, однако открыть просят.

Впрочем, уверенный мужской голос не вызвал у Мирабель особых подозрений. Она решила открыть, положившись на свою интуицию.

...О, да, сестра обязательно сказала бы ей что-нибудь вроде: «Как можно быть такой беспечной? Ты в доме одна-одинешенька, никто даже не узнает, если с тобой что-нибудь произойдет! И под рукой ни газового баллончика, ни электрошокера, ни примитивного топора».

Словно отвечая на слова младшей сестры, Мирабель слегка пожалала плечами: что ж, веди она энергичную жизнь в мегаполисе, может быть, вынуждена была бы проявлять излишнюю осмотрительность и осторожность. А так... Жизнь в маленьком городке протекает совсем иначе. Здесь иные нравы, обычаи и привычки. Мирабель, конечно, до такого не доходила, но некоторые из её соседей не запирали дверей. Ни днем, ни на ночь.

Она повернула ключ в замке. С некоторой долей осторожности потянула на себя дверную ручку. Запоздало сообразила, что следовало бы накинуть дверную цепочку – какая-никакая, а гарантия безопасности...

Но улыбка мужчины, который стоял на пороге, была такой открытой и обезоруживающей, что Мирабель ненадолго позабыла обо всех соображениях безопасности.

Улыбались и его теплые карие глаза, и весь он, казалось, излучал легкое сияние.

Впрочем, это было неудивительно. Солнце ведь светит ему в спину – сообразила Мирабель. Сейчас бы приписала ему нимб...

Одновременно они произнесли:

– Простите, а что вы хотели?

– Простите, что так бесцеремонно вламываюсь к вам...

И снова хором:

– Ничего страшного.

– Я просто хотел попросить стакан воды...

Мирабель только хотела открыть рот, чтобы произнести: «Какая же хозяйка откажет прохожему в стакане воды?», как гость воскликнул:

– Дым? Откуда?.. Кажется, у вас что-то горит!

Мирабель ахнула и помчалась на кухню.

Там её взору открылась душераздирающая картина: её обед, её курица планомерно и упорно превращалась в грудку тлеющих угольков. Мирабель схватила чугунную сковородку за ручку, забыв о прихватке, снова вскрикнула и отшвырнула посудину. Отчаянно замахав в воздухе обожжённой рукой, она прикусила губу от боли.

– Подвиньтесь, – коротко прозвучало за спиной.

Нежданный гость выключил плиту, отыскал прихватку в виде рукавицы, отправил содержимое сковородки в мусорный бак, открыл в раковине холодную воду и заставил Мирабель подержать под ней руку.

– Оливковое масло есть? – деловито спросил он.

– Зачем? – удивилась она.

– Не задавайте глупых вопросов. Нужно смазать ожог... Быстрее, пока не появился волдырь.

Мирабель выключила холодную воду, промокнула руку чистым полотенцем и задумчиво посмотрела на кожу ладони:

– Думаю, волдыря не будет. Смотрите, ожога почти нет... Я очень быстро отбросила сковородку.

– Что ж, – усмехнулся визитёр, – честь вам и хвала, отменная реакция.

– А вам спасибо за помощь...

– Что вы, не за что. Собственно говоря, это меня нужно благодарить за то, что ваш обед сгорел. Думается, ваша семья меня не похвалит... А я всего лишь хотел попросить стакан воды.

– Кстати, вы ведь могли зайти в ближайший супермаркет, – сообразила Мирабель, – и купить себе воды.

Гость нахмурился:

– На что вы намекаете?

Мирабель пожала плечами:

– Разве так принято – заходить в ближайший дом и просить напиться?

Теперь мужчина выглядел смущенным:

– Простите еще раз... Мне как-то в голову не пришло. Это не большой город, но... Понимаю, всё сильно изменилось. Конечно, мне следовало бы поискать магазин... Но...

– Но что? – спросила Мирабель, заинтересовавшись.

– Понимаете, я ведь даже не знаю, где я оказался. Карты местности у меня нет. Не представляю, в какую сторону нужно двигаться, чтобы обнаружить магазины... Собственно говоря, я даже не представляю, где я сейчас.

2

– Это штат Висконсин, если вас интересует именно это, – медленно произнесла Мирабель. – Но...

– Да?

– Звучит довольно странно, простите. Вы что, вражеский лазутчик? Вас выкинули с парашютом, он, к счастью, раскрылся, и теперь вы осматриваетесь на местности?

Мужчина улыбнулся одними карими глазами:

– А если и так? Что тогда?

Его невозмутимость понравилась Мирабель. Она развеселилась:

– В таком случае должна сообщить вам, что ваш разведывательный центр не справился с подготовкой своего лазутчика...

– Почему? – серьезно спросил гость.

Мирабель ответила с таким же серьезным видом:

– Вам никак не удастся сойти за своего, за местного.

– Потому что я не ориентируюсь в пространстве? – засмеялся он.

– Само собой. И еще вы говорите без местного акцента...

– Вот черт. Это ж надо было так проколоться...

– Учтите на будущее. А теперь... Теперь держите свой стакан воды. И возвращайтесь в свой центр для переподготовки.

– Может, я все-таки попробую справиться как есть?

Мирабель покачала головой:

– Как же так, вы приехали сюда, даже не зная, в какой город направляетесь? А как же указатели? Дорожные карты? В конце концов, у вас может не быть карты всех возможных штатов и городов, но карта дорог у вас должна быть?

– Согласен. И карты у меня есть, но...

– Что?

– Знаете, с воздуха мне не были видны указатели.

– С воздуха?

– Я сюда прилетел.

Мирабель ошеломленно уставилась на своего удивительного посетителя. Час от часу было не легче...

– Вы купили билет на самолет и при этом не знали, куда именно летите?

– К счастью, мне не нужно покупать билет, чтобы летать на своём собственном самолете, – улыбнулся гость.

– Так вы...

– Я пилот.

– И прилетели сюда на своём собственном самолете.

– Точно.

– И где же вы припарковались... хм... приземлились? В местном аэропорту?

Гость покачал головой:

– О, нет... Горючее было на исходе. Я облюбовал поле посимпатичнее. Знаете, без коров, тракторов и прочего.

– Иначе фермеры спустили бы с вас шкуру? – засмеялась Мирабель.

– Знаете, я и сам не большой любитель портить пшеницу и губить фермерские угодья. У меня с фермерами нет личных счетов. А то поле... Оно показалось мне довольно диким. Заброшенным. Тут до него рукой подать... Во всяком случае, пешком до него дойти не затруднительно.

– Да, здесь неподалеку есть заброшенное поле, – медленно проговорила Мирабель.

– Вот видите. Значит, я не вру.

– А я и не подозревала вас во вранье, – пожала плечами девушка.

Наступило неловкое молчание. Мужчина допил последний глоток воды, который еще оставался в стакане. Сам ополоснул его в раковине, поставил на стойку.

– Что ж... Спасибо.

Мирабель кивнула.

– Я пойду, пожалуй, обратно к своему самолету.

– Ну да...

– Еще раз спасибо за воду.

– Что вы, не за что...

Он повернулся и направился к двери. Мирабель последовала за ним.

На пороге он задержался:

– Не подскажите... где тут у вас расположена ближайшая лавка с продуктами? Не хочется больше побираться у добросердечных жителей городка вроде вас.

«Ах, скажите, пожалуйста», – внутренне возмутилась Мирабель, а вслух произнесла:

– Что вы, что вы. У нас все только рады помочь ближнему. Ну, а ближайший магазин...

Знаете, пройдите триста метров по дороге, потом сверните налево. Там есть лавка со всякими напитками, выпечкой и прочим. Думаю, сможете купить там всё необходимое.

– Спасибо, – повторил незнакомец, наверное, уже в десятый раз.

Дверь за ним наконец-то закрылась.

Мирабель со вздохом облегчения привалилась к дверному косяку. Нельзя сказать, что ноги у нее подкашивались, но присутствие этого мужчины странным образом напрягало её.

Напрягало то, что в доме находится чужой, незнакомый ей человек.

Напрягало то, что она не знала, как себя вести и что лучше говорить под пристальным взглядом карих глаз этого непрошеного гостя, взглядом внимательным, словно объектив профессионального фотографа.

– Подумаешь, – вслух сказала она. Круто развернулась на носках и прошествовала обратно на кухню.

Кухню пришлось проветривать тщательно и на совесть.

Картошка, конечно же, разварилась...

Мирабель размяла ее в картофельное пюре и задумалась – гарнир есть, ну а что бы такое сделать к пюре взамен безвозвратно утерянной курицы?

В дверь позвонили.

– Сегодня что, день визитов?

Мирабель развела руками и вновь отправилась в прихожую.

На этот раз она предусмотрительно накинула цепочку на дверь. Она больше не собиралась рисковать своей автономностью и позволять разрушать своё одиночество. Накинув цепочку, она отперла дверь и вопросительно посмотрела за порог.

Что ж... Мирабель и сама не смогла бы ответить на свой вопрос – удивлена она или же нет? Но это был недавний кареглазый визитер.

– Значит, это опять вы?

– Да, – весело подтвердил он, – это опять я.

Мирабель нахмурилась:

– Так, и что вам нужно на этот раз?

– Дайте-ка подумать... Пить я уже не хочу.

– Да неужели?

– Точно. А, вот, вспомнил!

– И что же вы вспомнили?

– Вы оказались ко мне так добры, что дали напиток и объяснили, куда меня занесло. А я, – тут он сокрушенно вздохнул, правда, лукавые искорки из глаз при этом никуда не делись, – лишил вас обеда, да еще вы и обожглись из-за меня.

– Да, это печально. Но что же дальше?

– А дальше, – торжественно объявил назойливый гость, – я счел необходимым компенсировать вам потерянный по моей вине обед.

Он ловко скинул цепочку с крючка и в расширившуюся дверную щель протянул Мирабель пакет, из которого довольно аппетитно пахло.

– Что это?

– Ну как что? Компенсация. Можешь открыть его.

– Даже не знаю, стоит ли...

– А вот кокетничать точно не стоит. Я загубил обед – я принес тебе замену. Всё честно.

Мирабель осторожно заглянула в пакет. Там были сосиски, ветчина, упаковка полуфабрикатов – Мирабель показалось, что это куриные нагетсы...

Гость похвастался:

– Сосиски должны быть вкусными. Наверняка ведь делает кто-то из местных. Настоящее мясо вместо всякой ерунды...

– Да, – машинально кивнула Мирабель, – еда тут вкуснее и натуральнее, чем в мегаполисах... – И тут же спохватилась: – Вообще-то тут очень много на одного человека. Вообще-то... Куда мне столько?

Он молчал и выжидательно улыбался, глядя на неё.

Мирабель решила не церемониться и сразу расставить все точки над «и». Пусть лучше она будет грубой вначале, зато потом ей не придется говорить человеку какие-то неприятные вещи. Разумеется, в том случае, если дело пойдет слишком далеко...

– Значит, – спросила она, – в благодарность за то, что я поила тебя водой, теперь я заслужила почетную обязанность кормить тебя ужином?

– Обедом, – поправил «разносчик» нагетсов.

– Неважно.

– Действительно, неважно... Я всё-таки получился излишне навязчив. Каков негодяй: вместо того, чтобы просто компенсировать сгоревшую курицу, напрашиваюсь за стол. Наверное, это потому, что мне лень разыскивать в вашем городке какую-нибудь пиццерию или закусокную? И хочется домашнего уюта и тепла вместо бумажных полотенец, заляпанных кетчупом?

Вопреки собственным ожиданиям, Мирабель рассмеялась.

– Ну, что с тобой делать... – начала она.

– Для начала хотя бы требовать с меня, чтобы я назвал своё имя.

– Прекрасно. И как же тебя зовут, незнакомый странник?

– Меня зовут Дик. Дик Бернингтон.

– А я – Мирабель...

– Мне действительно очень приятно.

На какое-то мгновение Мирабель показалось, что глаза Бернингтона наконец-то посерьезнели, из них улетучились искорки смеха. Но ощущение мелькнуло и пропало, и ей стало казаться, что серьезность ей просто показалась.

Она стояла и изучала Дика. Теперь ей казалось важным более пристально рассмотреть того, с кем ей всё-таки предстояло разделить сегодняшнюю трапезу.

Дик оказался довольно симпатичным мужчиной лет тридцати-тридцати двух. Русые, небрежно взъерошенные волосы, тонкий нос, почти что орлиный. Постоянно улыбающиеся

губы. Он был выше Мирабель на голову. На запыленной рубашке цвета хаки не хватало одной пуговицы.

Дик поймал взгляд Мирабель и тут же пояснил:

– Зацепился, когда вылезал из самолета. Пришить было, сама понимаешь, некогда.

– И негде?

– И нечем...

– Я дам тебе иголку с ниткой, – сообщила Мирабель. – Пришьешь. Надеюсь, пуговица не потерялась?

– Нет, с собой, в кармане...

– Прекрасно.

– Я тоже так думаю, – удовлетворенно кивнул Дик.

Мирабель поднялась на второй этаж дома и спустилась с иголкой, воткнутой в катушку ниток. Она протянула нитки Дику. В следующую минуту он потянулся к пуговицам своей рубашки с явным намерением расстегнуть её. В следующее мгновение Мирабель воскликнула:

– Что ты делаешь?

– Как что? – удивился Дик. – Собираюсь пришить пуговицу к рубашке.

– Как, прямо здесь?

– А это тебя смущает? Прости, я не подумал. Исправлюсь.

Это действительно смущало Мирабель. В последний раз она видела мужчину с обнаженным торсом года полтора назад, когда... Впрочем, не стоило сейчас об этом. Да и вообще об этом не стоило.

Но она не могла показать Дику, что это смущает её. В конце концов, кем он будет её считать? Закомплексованной провинциалкой? Девочкой из глубинки? Этого еще не хватало, ведь она...

А правда, неужели она действительно в последний раз видела обнаженного мужчину именно полтора года назад? А как же купание в местном озере? Там ведь полно загорелой молодежи по выходным.

Не может быть... Значит, в свете последних событий она даже на озеро перестала выбираться? Что касается загара, то воздушные ванны Мирабель в изобилии принимала, с комфортом располагаясь либо в шезлонге неподалёку от крыльца, либо выбираясь на крышу своего дома. Что в одном, что в другом случае она была надежно укрыта от любопытных глаз. Могла загорать даже голышом.

Дик направился к выходу из кухни, подбрасывая и ловя катушку с нитками непринужденными движениями. Мирабель остановила его:

– Ладно, куда ты? Пришивай пуговицу здесь.

Он усмехнулся:

– Я точно не задену твоего чувства приличия или... чувства прекрасного?

– Не заденешь, – сердито ответила Мирабель. Она даже покраснела слегка и стремительно отвернулась: не хватало еще, чтобы Дик заметил этот румянец. И только потом до нее дошло, на что он намекал, говоря о чувстве прекрасного.

3

Жара нарастала. Мирабель уже пожалела, что затеяла этот обед. Как ни крути, она подставила сама себя. Если бы ей не вздумалось готовить курицу, то она сейчас выбралась бы в город, купила бы огромную порцию шоколадного мороженого и стеклянную бутылочку кока-колы, уселась бы на скамейку в развесистой тени деревьев и наслаждалась бы беззаботным отдыхом в своё удовольствие.

Если бы ей не вздумалось готовить курицу, то Дику бы не взбрело в голову приносить ей нагетсы, ветчину и сосиски, он не смог бы попроситься на обед, и ей не пришлось бы ни готовить сейчас это мясо в жаркую погоду, ни делить еду и личное пространство с едва знакомым мужчиной...

Мирабель обжаривала сосиски на отмытой от гари сковородке, морщилась от запаха – у неё совсем было пропал аппетит. Стоило ей неосторожно повернуться или кинуть взгляд назад, как она натыкалась на видение полуголого Дика, сосредоточенно пыхтящего над своей рубашкой с иглой в руках. Судя по стежкам, которые он делал, операция по спасению пуговицы близилась к завершению.

Мирабель невольно отметила, что телосложению Дика – по крайней мере, его верхней части, – многие мужчины могли бы только позавидовать. Вряд ли он загорает в полете, но и его загар впечатлял... Не бронзовый, не смуглый, а ровный, словно нанесенный лучшими визажистами на весь торс Дика, золотистый, как и его глаза...

Тому, что за столом царило почти что вынужденное молчание, Мирабель даже не удивлялась. И думала: Дик наверняка уже жалеет, что попросился на обед.

Она удивлялась другому. Столько времени она пробыла в этих четырех стенах, живя тут практически в добровольном заточении. Оказывается, даже спустя месяцы она не соскучилась по живому общению, по другим людям? В конце концов, она уже не способна даже на легкий, ни к чему не обязывающий флирт с мужчиной, к тому же симпатичным?

– Знаешь что, Дик, – решительно сказала она.

– Да? – отозвался парень, поглощавший пищу с видимым удовольствием.

– А расскажи... Расскажи о себе немного.

– О себе? И что же ты хочешь, чтобы я тебе о себе рассказал?

Мирабель смутилась:

– Ну... Что хочешь, то и расскажи. В конце концов, я ведь впервые в жизни вижу живого летчика. Какой у тебя самолет?

– Маленький, – засмеялся Дик, – но, знаешь, мне хватает. У меня двухместный «биплан». Можно сказать, что я путешествую чуть ли не на старинном самолетике... Их ведь не так много в мире осталось.

– Где же ты его взял?

– Где, где... Купил. Приобрел у бывшего владельца по относительно невысокой цене. Конечно, многое пришлось подкрасить, починить, доделать, прежде чем я смог подняться на нём в воздух. Но это мне было только на пользу. Пилот должен знать, как устроен его самолёт. И быть в состоянии произвести минимальный ремонт. – Дик засмеялся. – Станции техобслуживания самолетов попадаются нечасто.

– Серьезные бывают поломки? – сочувственно спросила Мирабель.

– Когда как. Чаще всего случаются мелкие неприятности. Хороший пилот не отправится в неизвестность на заведомо неисправной машине. За наличием топлива нужно следить как можно бдительнее. Занесёт тебя в дебри, закончится топливо – и что ты будешь делать? Самолет никто не дотащит до города на тропе...

– Почему?

– Нет, до города, может, и дотащат... Это если пилоту крупно повезёт. И если у водителя окажется трейлер и специальная сцепка... А так... Всё, что сможет сделать летчик – это своим ходом добраться до ближайшего шоссе.

– И, несмотря на все эти побочные явления, ты не боишься путешествовать на самолете?

– Нет, не боюсь. Знаешь, Мирабель, именно те знания, которые пилоты получают во время полетов, именно этот опыт и говорит мне о том, что в этой жизни мало чего следует бояться. И что для человека по-настоящему важно, а что – так, мелочи, шелуха...

– Понятно, – протянула Мирабель.

За столом вновь воцарилось молчание...

Доев куриные полуфабрикаты, Дик без лишних слов собрал тарелки и отнес их в мойку.

– Я сама. Не нужно.

– Нужно. Я сам. Должен же я...

– ...хоть как-то компенсировать, – закончила за него Мирабель. – Не нужно. Ты же накормил меня обедом. Значит, мы в расчете. Верно?

Дик улыбнулся:

– Звучит довольно зловеще.

– Это почему? – удивилась Мирабель.

– Потому что это значит: можешь сматывать удочки из моего дома. В принципе, я понял намек. Действительно, с моей стороны было бы бестактно и дальше задерживаться у тебя. Пора и честь знать...

По сути, Дик был прав. Но что-то заставило Мирабель спросить у него:

– И что же ты собираешься делать дальше?..

– Ну, мне нужно для начала заправить самолет, – улыбнулся он.

– Как же ты это сделаешь?

– У меня есть канистра для бензина. Мне нужно всего лишь добраться с этой канистрой до какой-нибудь бензозаправки, а потом дотащить канистру до самолета.

– И потом ты улетишь?

– Может быть. А, может быть, и нет... Мне ведь нужно немного отдохнуть. В кои-то веки подвернулась возможность провести ночь не в поле, у стога сена, и не в палатке, и даже не в кабине самолета и не под крылом, а в нормальном человеческом жилище. Как у вас тут с гостиницами?

– Нормально, – пожала плечами Мирабель.

...И кто её тянул за длинный болтливый язык?

Нашла, называется, на свою голову приключений.

Ну кто заставлял её ни с того, ни с сего предлагать Дикю отвезти его с пустой канистрой к ближайшей заправочной станции, где найдется подходящее для него топливо?

То-то и оно, что ни одна живая душа не заставляла. Всё было добровольно, на подвижническом энтузиазме. И во что это всё вылилось?..

Прочитавшись, старенький «Субару Форрестер», который остался Мирабель от мужа, всё-таки завелся. Они с Диком сначала доехали почти до самого поля, где тот оставил свой биплан, захватили канистру, а потом отправились на поиски топлива.

Но, пока они искали заправочную станцию и ездили туда-сюда, уже стемнело. Еще бы – ведь Дик начисто забыл о том, что у него имеется канистра соответствующего объема, чтобы доставить к биплану достаточное количество топлива. И в первый раз он взял канистру, которую потом сам же и обозвал «дурацким жестяным бидоном». Ездить к самолету пришлось не один раз.

Когда биплан был заправлен, Дик предложил немного раздосадованной Мирабель устроить чаепитие, чтобы восстановить силы после трудов. Конечно, она согласилась... На этот раз

Дик сел за руль. Они доехали до первого же попавшегося магазинчика, где основательно закупились кукурузными хлопьями, овсяным печеньем и шоколадными конфетами.

Добравшись до дома, вскипятили чайник и от души выпили по несколько кружек душистого чая с мятой. Мирабель то ли от усталости, то ли от благотворного действия травок окончательно расслабилась – она совсем перестала стесняться Дика. Закинув ноги на краешек стола (правда, предварительно отодвинув печенье подальше), она лениво наблюдала, как стекающие по стеклу огненные блики заходящего солнца постепенно гаснут и теряются в подкрадывающейся темноте.

– Думаю, самое время мне отправляться на поиски гостиницы, – нарушил умиротворенное молчание Дик.

Мирабель согласно кивнула, а потом встрепенулась:

– Зачем же идти, когда можно позвонить?

– Я-то надеялся, что ты меня подвезешь, – поддразнил Дик.

– Вот еще!

– А что так? – он сделал вид, будто обиделся.

– Впрочем, конечно, можно и подвезти. Но всё равно лучше предварительно обзвонить гостиницы. Зачем греметь старыми шинами понапрасну?

– Так шины ведь не гремят...

– Много ты понимаешь. Давай, звони, вот телефонный справочник.

– А мне неоткуда звонить, – признался Дик.

Девушка изумленно поглядела на него:

– А мобильный телефон на что?

– У меня его нет, – Дик пожал плечами.

– Да откуда ты взялся такой? Из прошлого века? Как в наше время можно жить без мобильного? Даже здесь, в маленьком городишке, мобильные у детей чуть ли не с пеленок. Разве тебе не звонят родные и близкие? Или тебе вдруг понадобится вызвать техпомощь?

– Я привык обходиться своими силами, – коротко ответил Дик.

– Сомневаюсь я что-то...

– Ладно, ладно, не бурчи. Мобильный у меня, в принципе, был, да я его потерял. К тому же и подключен он у меня был нечасто. Летая через всю страну, на роуминге можно просто разориться.

Мирабель фыркнула. Она поднялась с места и насмешливо сказала:

– Ладно, принесу я тебе мобильный, не плачь.

– Как, – заинтересовался Дик, – разве он не при тебе?

– Нет, – ровно ответила Мирабель, – я нечасто им пользуюсь.

– Интересный поворот. Разве тебе не звонят друзья? Кто только что упрекал меня и обвинял в безответственности?

– Это совсем другое, – поспешно ответила Мирабель. – Если ты не будешь меня отвлекать, то я всё-таки схожу за мобильным для тебя.

Внезапно она почувствовала приступ глухого раздражения. Ей захотелось, чтобы этот незванный пилот как можно скорее покинул её дом. В конце концов, он нарушил её уединение. А ведь она сюда никого не приглашала! И будет лучше, если он уберется как можно скорее.

Мирабель вихрем взлетела на второй этаж, зашла в спальню и взяла свой маленький мобильный с прикроватной тумбочки. Но она так торопилась вернуться обратно на кухню, что, спускаясь по лестнице вниз, оступилась и пересчитала попой последние несколько ступенек.

На шум и недовольный вопль Мирабель из кухни появился Дик.

– Ну ты даешь, – прокомментировал он, – у тебя перед сном скачки с препятствиями?

– Это не смешно! – простонала Мирабель.

Дик протянул ей руки и помог подняться.

– Ай! – Мирабель наступила на ногу и поняла, что ей больно идти.

– Какая – правая или левая? – Дик присел на корточки, одну за другой ощупывая лодыжки девушки.

– Правая, – простонала она.

– Да ты сядь, не стой...

– Как я сяду, если ты стоишь передо мной на коленях? – огрызнулась Мирабель. Ей и впрямь было очень больно.

Без прочих лишних слов Дик легко, как пушинку или пустую канистру для бензина, подхватил девушку на руки и прошёл с ней в гостиную. Там царил полумрак, едва рассеиваемый уличным фонарем. Дик опустил Мирабель на ближайшее к нему кресло.

«Ну вот, – подумала она, – он уже шляется по всему дому! Никакого уважения к частной собственности. Кто позволил ему покинуть пределы кухни?..»

Дик тем временем бережно ощупал её ногу:

– Перелома нет, – констатировал он.

– Это радует, – отозвалась Мирабель. – А что есть?

– Вывих или растяжение, думаю. Это можно легко выяснить.

– Как?

– Давай я отвезу тебя к врачу.

– Нет, к врачу я не поеду!

– Как хочешь, – пожал Дик плечами, – что же, будешь мучаться?

– Не буду. Пару дней полежу, если не пройдет – может, тогда и съезжу, – нехотя сказала Мирабель.

– Значит, пара дней постельного режима, – заключил Дик. – С тобой есть кому посидеть? Мирабель пожалала плечами.

– А всё-таки?

– Как-нибудь справлюсь сама.

– Нет, так не годится, – решительно заявил Дик.

– Это почему?

– Спальня у тебя наверху, ведь так?

– Да, наверху.

– И что же ты, будешь прыгать туда-сюда, когда тебе нужно будет поспать или поесть?

– Значит, буду, – согласилась Мирабель.

– Придется мне остаться здесь.

– Ой, что ты, не нужно.

– А я думаю, что очень даже нужно.

– Нет!

– Да.

– Но...

– Мирабель, сама посуди. Ты мне помогла сегодня, а я брошу тебя в неприятной ситуации, когда тебе требуется помощь?

– Никакая помощь мне не требуется, – уперлась Мирабель.

– Вот что, – заявил Дик, – я останусь здесь, пока не будет понятно, что с твоей ногой. Тебя не стоит оставлять одну.

– И как ты себе это представляешь? Будешь помогать мне спускаться, подниматься?

– И многое другое, – серьёзно сказал Дик.

– Например?

– Ну...

– Скажем, принимать душ, – прищурилась Мирабель.

– Не перегибай. Конечно, нет. Буду помогать с необходимым.

– Это неудобно! Мы едва знакомы!

– Тогда, пока я ещё здесь, позови какого-нибудь мужчину, с которым ты больше знакома. Или женщину, мне всё равно. Только тогда я уйду.

Мирабель взглянула на лицо Дика и поняла, что, кажется, в этом вопросе он останется непоколебим...

4

Мирабель открыла глаза и блаженно потянулась.

Впервые за столько дней она наконец-то почувствовала себя лучше...

Боль в ноге перестала беспокоить ее уже наутро, особенно после того, как Дик натер ее щиколотку разогревающей мазью и замотал старым шерстяным шарфом. Мирабель радостно вскочила с постели, ощутила, что твердо стоит на обеих – здоровых! – ногах, но тут же пошатнулась. На нее навалилась страшная слабость, спросонья оставшаяся незамеченной. Немного погодя начало ломить виски, шуметь в ушах.

Когда ко всем вышеперечисленным симптомам добавилась и головная боль, и жар впоремешку с ознобом, Мирабель решила, что теперь ни за что не покинет свою теплую постель.

Собственно говоря, это ей уже и не удалось бы без посторонней помощи. Когда Мирабель захотела предпринять попытку спуститься на кухню и нацедить себе стакан воды из-под крана, она поняла, что ноги её не держат – и это не было красивым книжным преувеличением.

После полудня к ней зашёл Дик.

Вместо Мирабель он обнаружил лишь её нос, сиротливо торчащий из одеяльного кокона и груды подушек.

– Ну, как мы чувствуем себя сегодня утром? Как нога? Надеюсь, прошла? Гарантирую, что никакого перелома там и в помине нет...

– Перелома нет, – жалобно простонала Мирабель, – но, кажется, я немного заболела...

Дик нахмурился. Он подошел к постели, наклонился и губами коснулся её лба – Мирабель даже увернуться не успела.

– И не кажется, а точно заболела, – констатировал он. – У тебя высокая температура. Как ты умудрилась? Сейчас, если мне не изменяет память, разгар лета...

– Я очень рада, что ты это заметил, – огрызнулась Мирабель, – но болезнь не спрашивала меня, какое сейчас время года, перед тем, как свалить с ног!

– Тихо, тихо, не злись. Это тебе сейчас вредно. Принести тебе что-нибудь? Воду, чай, сок?

– Сока в доме нет, а чай... Нет, пожалуй, я ничего не хочу. – Мирабель сморщилась от очередного приступа головной боли.

– Как ты думаешь, что у тебя?

– Кажется, грипп, или простуда, хотя я точно не уверена...

– Тело ломает? – деловито осведомился Дик.

– Ты что, не просто авиатор, но еще и доктор? Нет, сэр, не ломает.

– Неважно. Этот симптом может проявиться и позже.

– Вчера я долго сидела на земле, – вспомнила Мирабель, – но вообще-то земля была совсем не холодная.

– Может, ты понервничала, вот иммунитет и дал сбой. Так, тебя можно оставить одну?

– Не припомню, чтобы тебя тут кто-то держал насильно, – у Мирабель всё-таки хватило сил на возмущенный голос и выражение лица.

Дик вздохнул. Весь его вид выражал: угораздило же связаться с капризным и невыдержанным ребенком...

– Я ненадолго оставлю тебя одну и съезжу в магазин.

– Вызовешь такси? – осведомилась Мирабель.

– О, черт. Хорошо, если тебе так угодно, я возьму такси. Если ты считаешь, что мне нельзя доверить «Субару».

Мирабель хотела было высказаться фразой наподобие «А почему я должна тебе доверять, уедешь на машине, и поминай, как звали», но взглянула на Дика и передумала.

К тому же она вовремя вспомнила о его биплане, одиноко стоящем на заброшенном поле. Зачем ему машина – разве он сможет бросить свой самолет?

С этим парнем определенно что-то было не так (а, может, что-то не так было с самой Мирабель), но вряд ли ему понадобилось бы угонять старенький, хоть и безотказный автомобиль?

– Бери, – выдавила из себя Мирабель, – ключи на гвоздике над входной дверью. – Только постарайся не попасть на глаза дорожной полиции.

– Не беспокойся. Какой сок ты хочешь?

– Апельсиновый, грейпфрутовый, яблочный... Что-нибудь.

Выходя, Дик помедлил и обернулся:

– Так как, Мирабель? Может быть, мы позвоним кому-нибудь из твоих родственников? Тебе сейчас нужно, чтобы рядом был кто-то, кто может позаботиться о тебе.

С видом маленького упрямого ослёнка она отрицательно покачала головой.

– Тогда я останусь здесь, – резюмировал Дик и вышел, пока Мирабель не успела что-либо возразить.

Позже она уже ничего не могла ему возразить, поскольку впала в забытье. Дик вернулся, поставил на тумбочку рядом с ней несколько стаканов – с чистой водой, с минеральной, с соком, – а сам устроился с книгой в кресле у окна.

Когда Мирабель в очередной раз разлепила глаза, уже стемнело.

– Ну как, пришла в себя?

Она осторожно пошевелила рукой, ногой.

В теле была свинцовая тяжесть...

– Не очень, – честно призналась она.

– Давай мы всё-таки вызовем тебе врача.

– Я не хочу.

– Но почему?

– Это моё личное дело...

– Всё-таки ты девушка со странностями, – заявил Дик, вздыхая. – Ладно, тогда придется тебе выпить горячий чай с малиновым джемом...

– ...фу-у-у, косточки...

– И выпьешь лекарство.

– Ладно.

– Ты мне не возражаешь? Я удивлен. С твоего позволения, я принесу тебе чай, а потом соображу что-нибудь поесть.

– Есть я не хочу.

– Зато я хочу. С утра во рту крошки не было...

– Ты не ел?

– Нет. Как пришел тебя проведать, так и забыл про завтрак. Я скоро вернусь, ты еще не успеешь про меня забыть.

Мирабель пролежала с высокой температурой и сильной слабостью в конечностях около шести дней. Всё это время Дик изображал заботливую сиделку – приносил и уносил стаканы с минералкой, протирал ей лоб влажным полотенцем, проветривал спальню и заваривал в термосе всякие лечебные травки.

– У тебя что, нет других дел, кроме как за мной ухаживать?

– А я еще и не начинал, – Дик широко улыбнулся.

– Ты же понимаешь, о чём я.

– Ага, понимаю.

– Неужели тебе так интересно бесконечно читать Сэлинджера у постели тяжело больной?

– Ничего, ты уже пошла на поправку. Скорее всего, это было что-то вроде гриппа.

– Я серьезно... Ты же вроде как собирался заправиться и лететь дальше, путешествовать по стране. А вместо этого застрял тут надолго.

– Полеты могут немного подождать, – спокойно ответил Дик. – Кроме того, разве я могу оставить человека в бедственном положении?

– Но я не при смерти и не бедствую.

Дик подтащил тяжёлое кресло поближе к постели девушки, уселся в него и внимательно посмотрел на Мирабель:

– У меня тоже есть к тебе вопросы, – неожиданно заявил он.

– Может, не стоит? – осторожно поинтересовалась Мирабель.

– Стоит... Когда окончательно поправишься, первое, что сделай – подойди к зеркалу и внимательно посмотри на себя.

– Зачем? Я прекрасно знаю, как я выгляжу.

– Точно?

Дик прищурился.

– Ага, – кивнула Мирабель. – Зеленая... ну, или, во всяком случае, бледнящая после болезни, волосы спутанные, под глазами темные круги.

– Брось, ты ведь и сама прекрасно знаешь, какое впечатление производишь на мужчин.

Мирабель не собиралась смущаться, но всё-таки смутилась. Дик продолжал:

– Юная, красивая, одинокая... У тебя должна быть уйма друзей и целый штат поклонников. Я пробыл здесь неделю и за это время не увидел ни одного человека, не считая, разумеется, себя самого. Ни звонка, ни стука в дверь... А ведь у тебя, в отличие от меня, даже есть мобильный.

Мирабель вздохнула:

– Не мог бы ты сварить для меня пасту? Что-то аппетит вдруг проснулся...

– Ничего удивительного, – спокойно ответил Дик и поднялся. – Ты столько времени ничего не ела. Я понял, ты не хочешь об этом говорить. Что ж... твоё право. Но всё это выглядит очень странно... Слушай, а, может, ты просто-напросто колдунья?

Мирабель дотянулась до подушки и изо всех сил – насколько могла – запустила ею в Дика. Одного шага, незаметно сделанного им, было достаточно, чтобы она промазала мимо своей насмешливой цели...

Дик вышел из комнаты, а Мирабель уселась среди подушек, натянула на себя длинную футболку, откинула одеяло и босиком прошлепала в ванную. Там она уставилась на себя в зеркало, словно и вправду увидела впервые...

Черные волосы были спутанными, но всё такими же шелковистыми. Синие глаза смотрели недоверчиво и хмуро, нежный ротик был слегка приоткрыт, словно его хозяйка пыталась выговорить «Не верю»...

Может быть, Бернингтон прав, и в его словах есть свой резон?

Превратилась в живую мумию, добровольно поставила на себе крест и вот уже год не движется ни вперед, ни назад.

Вперед – чтобы начать новую жизнь. Назад – хотя бы для того, чтобы разобраться с прошлым. Должно же оно когда-нибудь отпустить её? Или же это она сама его не желает отпускать?

Каким образом она, цветущая и юная, когда-то жизнерадостная и весёлая девушка, оказалась в полной изоляции от мира и близких людей? Почему не пытается хоть немного изменить ситуацию к лучшему?

Она осталась одна, совсем одна... Если бы за кружкой воды на днях к ней не занесло пилота, у которого закончился бензин, лежала бы тут без возможности поесть, попить и сказать хоть кому-нибудь, как она себя чувствует...

Заслышав на лестнице легкие шаги авиатора, Мирабель стремглав помчалась в постель и даже успела принять прежнее лежачее положение, прежде чем он появился в комнате.

– Садись, – велел он, – и осторожно: горячее.

...И вот теперь наконец-то она проснулась, ощущая себя относительно здоровой, относительно всех прочих дней, разумеется. Голова больше не болела, за окном было ясное висконсинское утро, слабость в теле прошла, и даже как будто прилив сил появился.

Мирабель осторожно села на кровати. Не почувствовав привычного головокружения, она улыбнулась и поднялась. Сейчас, сейчас она наконец-то примет душ, а еще, конечно, вымоет голову. Сколько дней она ждала этого момента истины! Можно, в принципе, даже ванну принять. Но это дело небыстрое, а если Дик проснется и заявится проведать её прежде, чем она вынырнет из душистой пены, то велик риск нарваться на очередные нотации.

Мирабель захватила нарядный шелковый халатик и отправилась в душ...

5

В честь своего выздоровления Мирабель испекла целую гору золотистых и ароматных блинчиков. Из недр кухонного шкафа был извлечен земляничный конфитюр, и забавная парочка с двойным энтузиазмом принялась за поедание лакомства.

Когда первый голод был утолен, Мирабель спросила сидящего на противоположном конце стола Дика:

– Скажи, а когда ты планируешь улетать?

Дик едва не поперхнулся блинчиком:

– Да как сказать... Сперва я должен убедиться, что с тобой всё будет в порядке. По правде говоря, мне почему-то кажется, что с тобой ничего никогда не будет в окончательном порядке.

Мирабель замерла. Слишком уж это было похоже на... своего рода признание. Но в чем? И... зачем?

– Хотя, конечно, пора бы мне и честь знать, – продолжил Дик, – я в самом деле подзадержался в вашем городке, хоть меня никто и не приглашал.

Мирабель промолчала.

– Скажи, какие у тебя планы на завтрашний день? – Дик щедро намазывал маслом очередной блинчик, а у Мирабель, казалось, подчистую пропал аппетит...

– А почему ты спрашиваешь?

– Ну, я не знаю. Может быть, у тебя запланированы какие-нибудь сверхважные и неотложные дела. Там, копать картошку, доить коров, гладить бельё, – Дик шутливо подмигнул.

– У меня нет коров, – сердито ответила Мирабель, – и привычки копать картошку тоже нет.

– Как же ты выживаешь здесь, в этом городке, где добрая половина населения занимается фермерским хозяйством?

– Представь себе, как-то выживаю.

– Ладно, это твоё дело, чем ты тут занимаешься. Моей целью было выяснить, не занята ли ты завтра.

– А в чем дело-то?

– Мирабель, – торжественно произнес Дик, – я хочу пригласить тебя полетать со мной.

– Что?! Полетать? Зачем?

– Знаешь, море положительных эмоций, которое ты получишь в полете, наверняка поможет тебе выздороветь окончательно.

– Но я и так хорошо себя чувствую, – воспротивилась Мирабель. – Кроме того, я... ммм... не уверена, что получу от полёта положительные эмоции.

– Вот как?

Дик внимательно и с легкой улыбкой поглядел на неё.

– Ты боишься летать?

– А если и так? Что с того?

– Просто возмутительно. Девушка, которую я хочу прокатить на своём самолетике, оказывается, боится летать.

– Тем лучше, – пожала плечами Мирабель, – значит, тем быстрее ты сможешь отправиться, куда ты там собирался лететь дальше...

Дик не слушал её.

– Я решил поделиться с ней самым бесценным, самым дорогим из того, что я знаю, одним из счастливейших переживаний в этой жизни, а она, оказывается, боится летать!

– Да, боюсь! – взорвалась Мирабель. – Когда мы ехали сюда из Нью-Йорка, я села в самолёт, по уши накачавшись успокоительным, а если бы мне позволили, то накачалась бы и

алкоголем! Я боюсь, боюсь, боюсь летать, и единственное, ради чего я села в самолёт тогда – это близкий человек. При этом я не собиралась проделывать обратный путь, учти. Я знала, что мне не придется подвергнуть себя пытке обратной дорогой. А теперь ты предлагаешь мне сесть в твой биплан! Не в комфортный пассажирский самолёт, где стюардессы разносят чай и кофе, а в продуваемый всеми ветрами биплан, который, очень может быть, скоро развалится на ходу!

Улыбка, с которой Дик выслушал гневную тираду Мирабель, была для неё неожиданной. Он поднялся со своего места, обошёл стол, присел перед девушкой на корточки и, взяв её руки в свои, заглянул в глаза.

– Вот поэтому я и хочу, чтобы ты полетела со мной... Пойми, бояться – глупо. С каждым из нас может случиться всё, что угодно, и не в воздухе, не в полёте, а на дороге, на лестнице, в магазине... Если ты летаешь со мной, ты почувствуешь, что это такое – настоящий полёт. Разве в громадных пассажирских самолётах чувствуешь, как поёт ветер? Разве там можно ощутить движение? Сел и сидишь, а железная птица «везёт» тебя... С таким же успехом, Мирабель, можно прокатиться и на поезде. По уровню комфорта – то же самое. А вот по уровню свободы, радости и ощущения подлинного полёта – ничего похожего ты не найдешь, если попробуешь полететь со мной.

– А стихи ты, случайно, не пишешь?..

* * *

Дрожа от предрасветного холодка, еще не уползшего восвояси под первыми солнечными лучами, Мирабель куталась в замшевую курточку. Она прикидывала так и эдак, подходящим ли образом она вырядилась для полета на биплане, но лучшего варианта, чем оставшийся после ремонта комбинезон в пятнах краски, не нашла.

К тому же Мирабель, как выяснилось, изрядно похудела... Комбинезон, когда-то плотно сидящий на ней, теперь чуть ли не болтался, как на вешалке. А Дик проехался относительно «боевой» расцветки комбинезона:

– Какая бодрая раскраска. Зачем ты собрала на этой несчастной вещи все цвета радуги? Надеешься выманить настоящую радугу из её берлоги? Если это так, то знай, что я против! Я дождь на наш сегодняшний полёт не заказывал.

– Будешь бурчать, я откажусь лететь, – улыбнулась Мирабель.

– Откажешься лететь – я останусь в Висконсине навсегда. И ты будешь обречена регулярно видеть мою унылую персону.

Мирабель не выдержала и звонко рассмеялась. Уж кого-кого, а Дика можно было меньше всего назвать «унылой персоной».

Биплан, вольготно раскинувший свои крылья на диком, заросшем хвощом и сорной травой поле, выглядел, как подбитая птица. Во всяком случае, Мирабель он показался довольно заброшенным. Даже сиротливым.

Впрочем, когда Дик протер ветровое стекло своего самолётика и завел мотор, биплан словно оживился. Фыркая и чуть подрагивая, он замер в ожидании команды на взлёт.

– Садись, – гостеприимно пригласил Дик девушку на борт.

Он помог ей забраться в кабину, пристегнуть ремни. Подмигнув, он с легкостью запрыгнул на место пилота рядом с Мирабель.

– Уверена, что не замерзнешь? – с сомнением спросил он.

– Уверена.

– Может, дать тебе мою лётную куртку?

– Нет, спасибо. Сам-то смотри, не замёрзни. Свитер у тебя довольно тонкий, – заметила Мирабель.

– Ерунда. Давно не припомню такого тёплого утра. Ну что, старина, соскучился? – крикнул Дик, перекрывая шум мотора. Мирабель улыбнулась.

Он бросил ей на колени очки.

– Зачем это? – удивилась девушка.

– Надень. Это специальные лётные очки. Я буду спокоен за твои глаза. Кроме того, я хочу, чтобы ты видела те места, над которыми мы будем пролетать, а не шурилась от ветра.

– Спасибо, – поблагодарила Мирабель. – Куда же мы полетим?

– Куда глаза глядят. Куда захочешь. Сегодня ты – мой штурман. Выбирай, Мирабель! Куда лететь?

– Куда-нибудь, чтобы мы потом не слишком долго возвращались домой. Я ведь не умею читать все эти лётные карты... Поэтому придется полностью на тебя положиться.

Биплан поднялся в воздух...

6

Мирабель не могла прекратить таращиться из кабины самолёта вниз. Она упивалась зрением: тут, сверху, всё выглядело совсем иначе, нежели когда она твёрдо стояла на земле.

Дик управлял самолётом так же непринужденно, как и вёл машину. Казалось, что рожден он был именно для этого. Его лицо было невозмутимым, глаза улыбались, а уши словно ловили малейший звук со стороны Мирабель.

Сначала девушка была нема, как рыба, но потом её прорвало. Вслух она комментировала всё, на что падал её взгляд, она сыпала впечатлениями и восторгами.

– Просто дух захватывает!

– И ведь это мы пока только ровно летим, – засмеялся Дик, – я еще не сделал ни одного воздушного пируэта.

– Даже не вздумай! Что, если меня стошнит?

– А тебя что, укачивает? Или страдаешь от морской болезни?

– От воздушной, – поправила Мирабель, – не знаю.

Дик усмехнулся. Биплан заскользил выше.

Мирабель не узнавала мест, над которыми они пролетали, из-за набранной самолётом высоты. Вроде как это бензоколонка? Да, а, может, и нет... Внизу стадо коров? Эти крохотные пятнышки? А вон там золотистым полем разлилась поверхность местного озера... Минуточку, почему же поверхность золотистая?

Дик направил биплан подальше от города. Они пролетели над зелёным лесным массивом.

– Хочешь, мы заставим качаться макушки деревьев?

– Шутишь? Конечно, не хочу! А если мы разобьемся?! Не надо, не надо!!

– Успокойся, я пошутил.

– Шутник.

Безукоризненно спокойным и темным зеркалом под ними проплыло ещё одно озеро, больше и крупнее предыдущего.

Мирабель мимолетно подумала о том, что можно было бы в кои-то веки и искупаться... правда, для этого им придется приземлиться, а тут не видно подходящих стоянок для бипланов... правда, у неё с собой нет купальника... правда, она совсем не уверена, что хочет остаться наедине с мужчиной в такой опасной дали от людей... правда...

Мысли мелькнули и пронеслись, а биплан летел дальше.

И наконец солнце окончательно поднялось, и тогда Мирабель показалось, что мир окутало золотое солнечное сияние, что оно окружило их и проникло внутрь, в самую душу, в глубины сердца...

– Я и не знала, что так бывает...

Мирабель прошептала это или ей показалось, что она прошептала? Может быть, это были лишь её ощущения?

Дик покосился на неё и усмехнулся:

– Одно дело, когда ты находишься на земле... или, допустим, распахиваешь окно, а в него проникают солнечные лучи, которые глядят и согревают тебя... и совсем другое дело – когда ты *влетаешь* в самый центр этого залитого золотом пространства.

– Тебе хорошо, для тебя это пройденный этап, а я вижу восход солнца подобным образом впервые...

– Вот поэтому я и позвал тебя с собой. Не разочарована?

– Нет.

– У вас тут хорошо, есть, где разгуляться. Широкая река, озера, лесные поляны и дикие поля... Красота радует глаз. Но вот летать над городами и населенными пунктами не так интересно, поверь.

– Почему же?

– Ну ты представь себе: те же самые дома-коробочки, заборы и ограды, банки и магазины – только вид сверху. Рисунки из учебника по черчению! Скучно...

– Тогда давай не полетим в город.

– Что, совсем не возвращаться?

– Я не это хотела сказать... Давай еще летаем над каким-нибудь лесом. Вдруг увидим диких животных?

– А какие тебе нужны животные? Дикобраза или медведя мы всё равно толком и не разглядим с такой высоты.

– А если удастся увидеть белого оленя? У индейцев, живущих в местных резервациях, это считается добрым знаком: обязательно к счастью!

Дик снова усмехнулся, но очень по-доброму:

– Разве что ради белого оленя. Только не заставляй меня на него охотиться!

– Обязательно! То есть ни в коем случае, – поклялась Мирабель. Зажмурился для разнообразия глаза, она попыталась представить, что летит самостоятельно – без самолётных крыльев, без мотора и жесткого сиденья под попой. Сама выбирает, куда двигаться дальше, и наслаждается ощущением невесомости и виражами...

– А как насчёт «мертвой петли»?

– Ты с ума сошёл! – Мирабель тут же очнулась.

– Должен же я продемонстрировать тебе всё, на что способен пилот такого уровня.

– В следующий раз покажешь! – не думая, выпалила Мирабель, но, впрочем, тут же прикусила язык. Какой еще следующий раз, о чём она думает?

Неужели он начал всерьёз ей нравиться, этот заезжий бродячий пилот? Да она же ничегошеньки о нём не знает, хотя его вроде бы нельзя подозревать ни в чём таком...

Как бы то ни было, нужно держать себя в руках. И голове – тоже, пока не заработала себе новую головную боль...

Белого оленя они так и не обнаружили, хотя Дик довольно долго кружил над перелеском и лесными полянами. Предположили, что зверей может отпугивать шум мотора. Хотя, конечно, это и не шум вовсе по сравнению с современными авиалайнерами... Во всяком случае, так Мирабель казалось.

Изо всех сил она старалась запомнить растертую вокруг них небесную краску. Едва видневшиеся поодаль облака напоминали гигантскую кружевную шаль слоновой кости, сильно продырявленную во многих местах. Синева слепила глаза и наполняла душу, Мирабель дышала ею и не могла насытиться. Столько неба сразу одновременно она никогда раньше не видела. Даже когда ей случалось залечь в высокой траве посреди заброшенного поля, раскинуть руки и представлять, что она падает в небо, у неё не возникало таких феерических и пьянящих ощущений.

Это было невероятно. Это было волшебно. Мирабель уже позабыла обо всех своих страхах, связанных с полётами... «Наверное, теперь я могла бы вернуться в Нью-Йорк», – подумала она, но тут же одернула себя: ещё чего не хватало! И отогнала от себя эту мысль.

Мысль о том, что потрясающую картину небесной синевы, изумрудных полей зелени и тонкой облачной пены она могла бы нарисовать, воспроизведя всё это на холсте ничуть не хуже, а, возможно, даже и лучше, она вовсе не подпустила к собственному сознанию.

7

После того как полет был завершён и они приземлились, Мирабель была даже рада вновь ощутить твердую и надежную почву под ногами.

Дик коротко спросил:

– Понравилось?

И она кивнула.

Он не стал спрашивать её, полетит ли она с ним ещё. Он извлёк откуда-то из закров грязную тряпку и вновь принялся протирать лобовое стекло. Мирабель отошла на несколько шагов, присела прямо на траву, стянула с себя курточку и подставила лицо солнечным лучам.

– Осторожно, обгоришь, – предостерёг её Дик. – Ты ведь белокожая...

– Вот еще, – фыркнула девушка. – Я греюсь...

– Тогда не сиди на земле – простудишься, – засмеялся он.

Мирабель пожала плечами.

Дик почти закончил протирать лобовое стекло, когда неподалеку от них послышались голоса.

Мирабель обернулась с ленивым любопытством. И сморщилась от досады.

Пит, сын бакалейщика. Всё бы ничего, но вместе с ним к самолёту вразвалочку подходил Рон. На треть пьяница, на треть бездельник, а в минуты просветления – механик в городской автомастерской под строгим руководством своей сестрички... Вот его Мирабель хотелось видеть меньше всего. Она не любила людей, которые по поводу и без повода лезли не в своё дело, делали выводы, о которых их никто не просил, и без надобности трепали языком. Короче говоря – сплетничали. Особенно если эти сплетни распускались без повода.

Но деваться было некуда. Покусывая травинку, она постаралась принять как можно более безмятежный вид. Что, собственно говоря, им тут нужно?

– Мирабель? Неужели это ты? Собственной персоной! Глазам своим не верю! – Это был Рон.

– Привет, – поздоровался Пит, – как жизнь?

– Всё о'кей, – Мирабель с досадой отвернулась. Мысленно она надвинула воображаемую шляпу на глаза и представила, что их тут нет...

– А мы с дороги увидели – самолёт! В нашей глуши, а не на аэродроме. Думали, может, случилось что? Решили подойти, разузнать.

– Всё в порядке, спасибо, – весело отозвался Дик.

– Это твой самолёт, приятель?

– Ага. Мой.

– Ты сам-то откуда?

– Издалека.

– И как тебя сюда занесло?

– Да вот, путешествую.

– А как же тебя занесло в компанию к нашей Мирабель? – Рон оглушительно заржал.

Дик едва заметно нахмурился. Впрочем, горизонтальная морщина на его лбу тут же разгладилась.

– Она мне помогла, и в благодарность я устроил для неё полёт.

Рон почесал в затылке.

– Ну, а теперь двинешься дальше?

– Двину, – согласился Дик, – когда придёт время.

– А, так ты решил погостить в нашем городе? Дело хорошее. Да где ж ты остановишься?

– Меня приютила Мирабель, – ответил Дик сдержанно. – Она была столь добра...

Мирабель мысленно застонала. По её мнению, эта информация была уже абсолютно лишней. Но поделать ничего было нельзя.

– Слушай, приятель, – неожиданно вступил Пит, – а нас ты можешь прокатить? Сколько это будет стоить?

– Могу, – прикинув что-то в уме, ответил Дик, – только денег мне не надо.

– Брось, как это – не надо? Возьми хотя бы на бензин, – Пит уже неловко вкладывал в руку Дика десятидолларовую купюру.

Дик попытался отказаться, но Пит уже полез в кабину.

– Эй, приятель, осторожнее... Я покажу, как. А ты тоже хочешь лететь? – обратился он к Рону.

– Почему бы и нет? – кивнул тот. – Когда еще выдастся случай прокатиться на подобном агрегате? Ты, парень, мог бы деньги на этом зарабатывать...

– Спасибо, не нуждаюсь. Тогда придется подождать: двух пассажиров одновременно я взять не могу.

– Что ж, значит, подожду.

Мирабель мысленно ойкнула: замечательно, теперь ей придется сидеть тут уйму времени с неприятным для неё человеком. Скорее бы Дик вернулся!.. Если еще Рон начнет задавать свои вопросы с подковыркой... Что ж, пусть полезет – наедине, без свидетелей, она найдёт, чем ему ответить и как поставить на место.

Впрочем, кажется, Рон и не собирался лезть в бутылку. Он отошел на пару шагов от Мирабель, долго смотрел вслед улетающему биплану, потом плюхнулся на примятую траву и жадно закурил.

Дик вернулся через двадцать минут. Он помог выбраться из кабины Питу, у которого вид был совершенно обалдевший.

– Вау! Круто! Приятель, да ты просто монстр! Рон, залезай! Не забудь только дать ему десятку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.